

ИСТОРИЯ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ПОСЛЕ 1839 г. ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛОРУССКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Римко Ольга Георгиевна

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
УО «Полоцкий государственный университет»; магистр исторических наук
(г. Новополоцк, Беларусь)

Греко-католическая церковь в пределах Российской империи была ликвидирована решением Полоцкого церковного собора в 1839 г., однако проблема религиозной унии не утратила своей остроты и актуальности в последующие годы. Об этом факте говорит широкий круг публикаций, размещенных на страницах белорусских епархиальных ведомостей, издававшихся во второй половине XIX – начале XX в. в пяти православных епархиях «Северо-Западного края»: Литовской, Минской, Полоцкой, Могилевской и Гродненской.

После воссоединения униатов с православной церковью представители католическо-униатской партии увидели, что сражение за сохранение унии проиграно, и вступили в борьбу за каждого прихожанина из бывших униатских приходов. Согласно данным, размещенным в публикации Г. Шавельского наиболее количество перешедших в католичество бывших униатов в 40-е гг. XIX в. пришлось на Лепельский уезд. Здесь же были зафиксированы факты перевода в католичество с использованием угроз и подкупа [1, с. 345–346]. Много жалоб и прошений поступило властям также от бывших чашникских униатов.

Одной из проблем в первые годы поствоссоединительного периода стало приведение богослужений в бывших униатских храмах в соответствие с православными канонами (избавление от органов и оркестров, переход к хоровому пению и т.п.). Статья М. Бермана [2], свидетельствует о факте создания знаменитым литовским митрополитом И. Семашко архиерейского хора с целью показать пример хорошего церковного пения воссоединившимся униатским храмам.

Некоторые русские православные исследователи сомневались в искренности воссоединившегося белорусского духовенства и монашества и обвиняли их в тайном униатстве и латинстве, в отсутствии аскетической монашеской жизни, требовали их выселения в центральные регионы России и замены более благонадежными русскими священниками. К числу таких исследователей относился русский духовный писатель, священник Н.Д. Извеков, который в своей работе «Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г.» обрушился с критикой на белорусское духовенство [3, с. 181].

С такой позицией принципиально был не согласен известный этнограф и историк Ю.Ф. Крачковский, написавший рецензию на отмеченную выше работу Н.Д. Извекова. В своем отзыве он оспорил многие факты из рецензируемого исследования, критиковал Н.Д. Извекова за неполноту подобранного им материала и умышленное укрывательство важных фактов, личную неприязнь к некоторым архиереям, привел много доказательств в защиту деятельности митрополита И. Семашко [3, с. 186].

Одна из публикаций в «Минских епархиальных ведомостях» указывает на то, что даже спустя несколько десятилетий после 1839 г. католический мир вынашивал планы по соединению церквей на условиях Ватикана [4]. Папа римский Лев XIII в 1893 г. стремился завершить свое правление попыткой заключить новую унию: с кафедр и в периодической печати стали раздаваться проповеди и призывы о соединении православных и католиков, католические епископы и ксендзы стали прикладываться к православным иконам, православных верующих перестали называть «схизматиками» и т.д. [4, с. 122]. Автор публикации Н.А. Коноплев соглашался с тем, что соединение христианских конфессий в начале XX в. было особенно необходимым, однако категорически не принимал тех условий, которые предлагал Рим: «папа, стремясь к единению, хочет обосновать его не на идее братства и взаимной любви, а на главенстве одной стороны и беспрекословном повиновении другой» [4, с. 124].

Этому же вопросу посвящена очередная статья М. Бермана, в которой проанализированы ответы Константинопольского патриарха и Афинского Синода [5] на энциклики папы Льва XIII за 1894 г., содержащих в себе все ту же идею унии. Ответы православных представляли собой «живую и одушевленную речь обличения», а также содержали предложения о путях и возможностях восстановления мира и единения между церквями посредством отказа католической церкви от политики экспансии и доминирования [5, с. 120].

В 1911 г. находим публикацию [6], в которой отмечается, что с целью подчинить Риму восточно-православные земли, папский престол начал переговоры со старообрядцами для заключения с ними унии. Как и в случае с Брестской унией, союз старообрядцев с Римом задумывался церковной верхушкой, но так и не состоялся из-за поднявшихся внутренних протестов простых верующих.

В начале XX в. католики пытались привлечь в свою веру православное население не только белорусских, украинских, но и русских земель. В Риме была открыта «русско-католическая церковь» [7, с. 367] и составлен соответствующий чин литургии. В этом виделась попытка напомнить православным, что сближение и примирение с Римом возможны на условиях признания главенства папского престола. Пропаганда католичества в этот период базировалась на антиправославной литературе, а также на популяризации католичества в школах и семьях учащих [7, с. 620].

Авторы епархиальных ведомостей продолжали следить за судьбой униатов, не пожелавших присоединиться к православию в 1839 г. Примером таких публикаций может послужить заметка А. Танкова [8], сообщавшая, что в Курске был основан монастырь для тех униатских монахов, которые в 1839 г. не пожелали перейти в православие. К концу 1839 г. в этой обители насчитывалось

10 монахов. Материально монастырь поддер-живал литовский архиепископ И. Семашко, высылавший братии церковную утварь и деньги.

Помимо проблем, связанных с униатским монашеством Святейший Синод вынужден был решать проблему предоставления различных треб для униатов-мирян в связи с тем, что один из них, проживавший в Санкт-Петербурге, обратился к православному священнику с просьбой совершить крещение над ребенком родителей-униатов. В итоге обер-прокурор Синода дал разрешение на совершение таинств православными священниками для униатов [9, с. 185].

В одной из публикаций известного исследователя М.О. Кояловича [10] была поднята злободневная проблема о том, к какой вере принадлежать белорусам – к «русской» или к «польской». Различные факторы заставляли людей занимать ту или другую сторону: белорусы часто принудительно подвергались переводу из одной конфессии в другую; после восстания 1863 г. люди, боясь мести помещиков-католиков, называли себя латинянами; некоторые крестьяне тайно обращались к русским властям с просьбой «высечь их за мнимое упорство в латинстве, чтобы потом говорить своим сильным врагам, что они приняли православие по насилию» [10, с. 132]. М. О. Коялович приписал такое поведение памяти о насилии еще со времен существования унии и призывал власти не действовать через принуждение [10, с. 132]. Он резко критиковал тех представителей светских властей, которые в момент возвращения униатов в православие высказывали прямое недоверие и пренебрежение в адрес белорусского и украинского духовенства.

Таким образом, публикации в белорусских епархиальных ведомостях позволяют увидеть насколько многочисленными и разнообразными были трудности, возникшие в конфессиональной жизни белорусов после ликвидации церковной унии в 1839 г. на Полоцком церковном соборе. Униатская проблема для правительства и народа не сходила с повестки дня вплоть до начала XX в.

Литература

1. Шавельский, Г. Разбор совращенных в латинство униатов между православным и римско-католическим духовенством в Лепельском уезде, Витебской губ. XIX в. / Г. Шавельский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 19. – С. 343–347; № 20. – С. 379–383; № 21. – С. 409–416; № 22. – С. 428–431; № 23. – С. 450–454; № 25. – С. 469–473.
2. Берман, М. Виленский архиерейский хор при митрополите Иосифе (Воспоминания) / М. Берман // Литовские епархиальные ведомости. – 1893. – № 8. – С. 61–63; № 9. – С. 69–72; № 10. – С. 79–82.
3. Крачковский, Ю. Отзыв о сочинении пресвитера Извекова: «Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г.». Москва, 1899 / Ю. Крачковский // Литовские епархиальные ведомости. – 1900. – № 20. – С. 179–188; № 21. – С. 191–198; № 22. – С. 202–208; № 23. – С. 212–220.
4. Коноплев, Н. А. Стремления папы Льва XIII к соединению западной церкви с восточною / Н. А. Коноплев // Минские епархиальные ведомости. – 1895. – № 5. – С. 121–138; № 6. – С. 167–79.
5. Берман, М. Ответ Афинского Синода на изданную папою Львом XIII энциклику о соединении с Римом Восточных церквей. Афины. 1895 г. / М. Берман // Литовские епархиальные ведомости. – 1896. – № 11. – С. 94–96; № 13. – С. 115–120; № 14. – С. 133–134.

6. Старообрядческо-католическая уния // Вестник Виленского Св.-Духовского братства. – 1911. – № 13–14. – С. 266.
7. Современная пропаганда католичества в России при помощи унии // Могилевские епархиальные ведомости. – 1911. – № 18. – С. 618–622.
8. Танков, А. Данные о бывшей в Курске греко-униатской обители / А. Танков // Гродненские епархиальные ведомости. – 1903. – № 18. – С. 202–204. – Литовские епархиальные ведомости. – 1902. – № 49. – С. 411–413.
9. О представлении православным священникам права преподавать духовныя требы по просьбам лиц греко-униатскаго обряда // Литовские епархиальные ведомости. – 1870. – № 6. – С. 184–186.
10. Коялович, М. Вероисповедныя обращения и совращения в Западной России / М. Коялович // Литовские епархиальные ведомости. – 1881. – № 14. – С. 130–132.